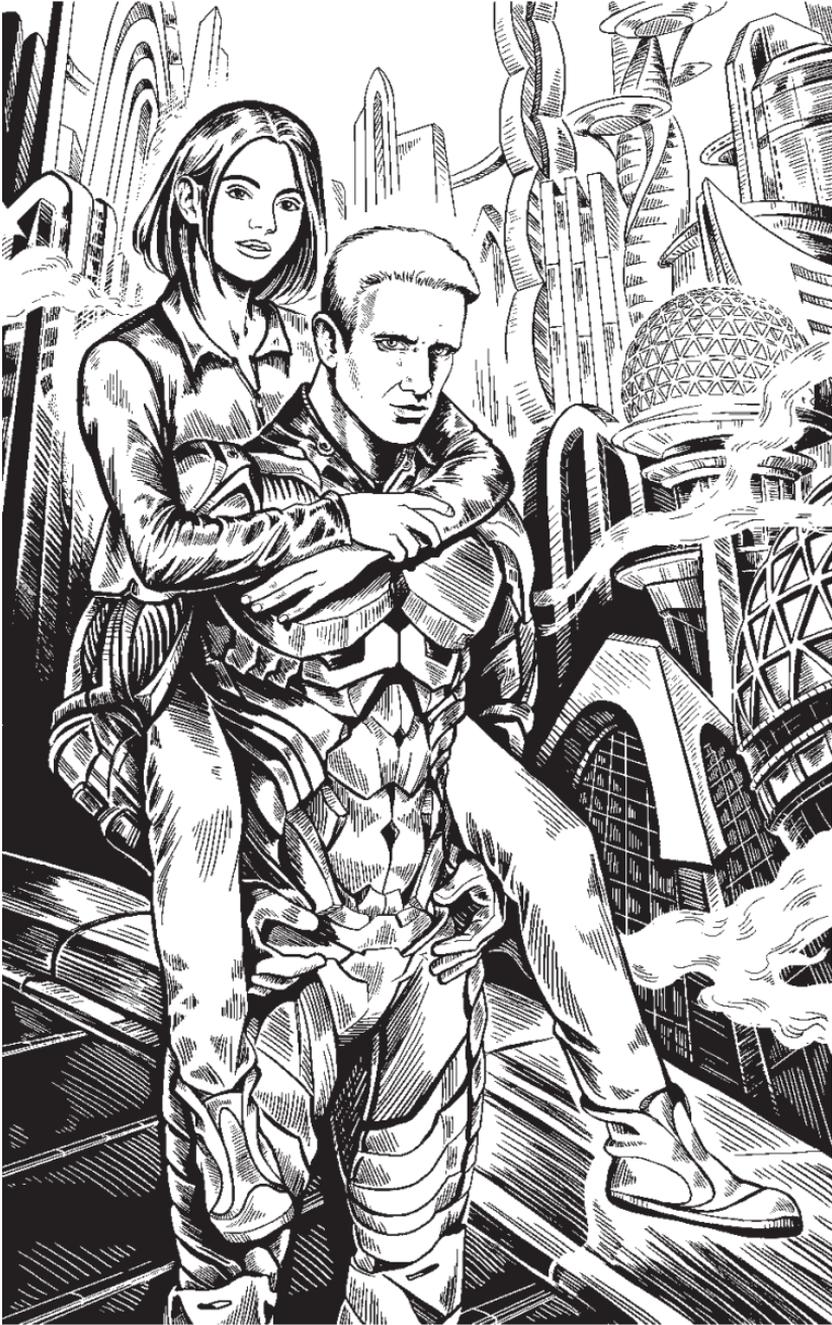

Дарья Кузнецова

СЛОВО ИМПЕРАТОРА
СЛУЧАЙНЫЕ ГОСТИ
Я ВЫБИРАЮ СВОБОДУ!
СПАСИТЕЛЕЙ НЕ ВЫБИРАЮТ
АБОРДАЖНАЯ ДОЛЯ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Дарья Кузнецова

Абордажная доля

Фантастика • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2019
 ARMA
&
ALFA-KNIGA
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К89

Серия основана в 2011 году
Выпуск 417

Художник
Е. Никольская

Кузнецова Д. А.

К89 Абордажная доля: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 281 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2837-3

Раньше я была Алисой Лесиной, экспедиционным врачом. Теперь я — абордажная доля. Трофей, взятый на опустошенном транспортнике безжалостным убийцей. Он — измененный, он хладнокровен и похож на опасного хищника, но так неожиданно снисходителен и добр ко мне.

Что нужно от меня пирату? Кто он на самом деле? Что ждет меня на борту этого странного корабля и на окутанной тайнами, неуловимой пиратской станции, за которой охотится весь цивилизованный мир?

И как вернуться домой, если сердце тянется к тому, от кого стоит бежать без оглядки?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Кузнецова Д. А., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2837-3

*Светлой памяти Владислава Александровича
Бахарева.*

Случайности есть невыявленные закономерности.
Истина, проверенная временем

ГЛАВА 1, в которой Алису затаскивают в нору

Только те способы защиты хороши, основательны и надежны, которые зависят от тебя самого и от твоей доблести.

Никколо Макиавелли. Государь

Алиса Лесина

Это был второй в моей жизни дальний космический перелет. И, кажется, последний.

Нет, началось все прекрасно. Я заняла крошечную безликую каюту, отделанную дешевым пластиком, быстро влилась в небольшой дружный коллектив грузовика, который привез сменщика и теперь уносил меня к далекой Земле, и радовалась жизни, предвкушая скорое возвращение домой после годовой вахты в продовольственной колонии. Впереди было две недели пути с парой подчисток в дороге — самый скучный перелет, но мечты о доме и интересном отпуске расцветивали радугой даже эти серые дни.

Главным развлечением на борту для меня оказался экипаж: люблю знакомиться с новыми людьми. С безымянным грузовиком-транспортником управлялись шестеро мужчин, трое из которых были достаточно молоды и весело проводили время в моей компании — флиртуя, болтая, совместно гоня виртуальных монстров или друг друга, потому что молодые организмы требовали движения. Вторая половина экипажа — капитан, судовой врач и суперкарго — мне тоже понравилась, но с ними не подурочишься, все же солидные мужчины.

Но на третий день все пошло прахом.

Я даже не поняла, что случилось. И, наверное, никто не понял, кроме, может быть, капитана и суперкарга — отставных вояк, людей со стальными нервами. Но, увы, этого я уже никогда не узнаю.

Меня разбудила сирена — пронзительная, громкая, страшная. Страшная — заранее, еще когда ничего не понятно, и этот злой переливчатый звук только врывается в крепкий сон, а в пустой голове мечется единственная испуганная мысль: «Что происходит?»

Зачем сирену делают вот такой? Чтобы сразу деморализовать, вызвать панику и лишит возможности здраво мыслить?

Я лежала в постели, непонимающе хлопала глазами и вглядывалась в неяркий свет, льющийся с потолка, отчаянно пытаюсь уцепиться за реальность, окончательно выплыть из сна и сообразить, что следует предпринять в такой ситуации.

Первое более-менее разумное предположение сводилось к тому, что, наверное, произошла какая-нибудь авария. Может быть, даже сломалась сама сирена, потому что... а что еще может произойти во время гиперпрыжка? Ну, серьезно! Даже я знаю, что самое опасное — это вход в прыжок и выход, а в гипере никогда ничего не случается! Совсем!

Следующее предположение успокоило меня еще больше: я решила, что кто-то пошутил или устроил учебную тревогу. Я уже достаточно присмотрелась к экипажу, чтобы понимать: с них станется!

А потом дверь, вообще-то запертая на ночь, открылась, и на пороге появился Максим Бут, доктор.

— Комету тебе навстречу, ты почему еще в койке?! — прорычал он, нырнул внутрь, схватил меня за плечо и потянул вверх.

— Эй, вы чего?! — возмутилась, пытаюсь прикрыться одеялом. Спала я не нагишом, но в весьма нескромной пижаме, состоящей из микрошортиков и маечки. Наверное, проснись я к этому моменту окончательно, сообразила бы, что особого

повода стесняться нет — все же доктор! — но прийти в себя мне не дали.

— Одевайся! Сирену для кого включили? Общий сбор в рубке, быстро!

Лишившись едва обретенного душевного равновесия, я судорожно вздохнула, понимая, что на шутку это совсем не похоже. Мысли лихорадочно заметались, но последнюю команду судового врача я рефлекторно начала выполнять, толком не понимая, что и зачем делаю. Натянула прямо поверх пижамы надоевший за прошедший год комбинезон. Сунула ноги в ботинки, и те с противным чмокающим звуком застегнулись, обхватив лодыжки.

— Наконец-то! — буркнул док, подцепил меня за локоть и выволок в коридор.

— Да что происходит-то? — запоздало сообразила я задать самый главный вопрос, но в ответ услышала только виatieватое ругательство.

А потом мы вбежали в рубку — и замерли в двух шагах от двери.

В лицо дохнуло сладким запахом паленой плоти и пластика. Взгляд уперся в тело на полу: прямо перед нами навзничь лежал Виктор, навигатор, самый молодой из членов экипажа. Талантливый, смешливый. Комбинезон вокруг большой черной дырки на груди был оплавлен. На лице застыло удивленное выражение — он, кажется, даже не успел понять, что с ним произошло.

Пальцы дока на моем локте судорожно сжались, я резко обернулась к нему — для того чтобы встретить стекленеющий взгляд покойника. Выше бровей у доктора не было ничего: такая же дыра, как у Вити в груди, возникла у него на лбу, слизнув часть черепа. Запах гари стал нестерпимым, и я судорожно втянула воздух ртом, чтобы его не чувствовать. Сведенные судорогой пальцы дока, оставив на моей руке синяки, соскользнули, а тело упало, продемонстрировав мне черное, выгоревшее нутро черепной коробки.

Движение где-то на краю поля зрения заставило обернуться к рубке и увидеть... его. Мужская фигура в легкой бое-

вой броне без опознавательных знаков, настолько черной, словно это не тело, а дыра в пространстве. Неожиданно холодный и ясный разум понял, что это просто оптический обман, сложная игра отраженного и поглощенного маскировкой света, но смотреть все равно было страшно.

«Блестящее» пятно оказалось одно — слегка зеркалящий щиток, закрывающий глаза. Нет, два, еще оружие в руке, но я уставилась в лицо неизвестного, потому что это черное пятно было чуть менее страшным, чем обтекаемо-хищные серебристые обводы незнакомого мне излучателя.

Незнакомого. Как будто существуют знакомые...

Я испуганно затрясла головой, глядя мужчине в лицо. Оно ведь есть у него там, за стеклом шлема, да? Ведь это человек, да?

Сделала маленький, на длину стопы, шаг назад — инстинктивное выражение стремления избежать смерти. А пришелец вдруг опустил оружие и повелительно дернул рукой. Я не двинулась с места, поскольку не поняла, чего от меня хотят, но в следующую секунду выяснилось, что командовали не мне. Какая-то сила оторвала меня от пола, потолок и стены совершили кульбит, живот и колени ударились обо что-то жесткое, и я запоздало сообразила, что силой этой был еще один незнакомец в броне. Меня бесцеремонно закинули на плечо и понесли, придерживая рукой за бедро.

Черное пятно на ощупь оказалось твердым, холодным и шершавым.

Все это происходило в тишине. Нет, не полной. Сирена продолжала надрываться, терзая слух. Но док умер молча, тени двигались бесшумно, а я... меня от ужаса и непонимания происходящего попросту парализовало, горло перехватил спазм, и я сейчас была не участником событий, а сторонним наблюдателем какого-то боевика или ужастика. Потому что подобное просто не могло происходить на самом деле! Не со мной, не здесь, не в этой жизни, не посреди гиперпрыжка...

Я, наверное, сплю. И вот сейчас должна проснуться! Прямо сейчас, потому что... Потому что не хочу все это видеть и знать, что будет дальше!

Знакомые коридоры обитаемой части грузовика остались позади. Потом трюм, правильной овальной формы дыра в обшивке, через которую несущая меня тень двинулась прочь. У меня вновь перехватило дыхание, когда мы оказались посреди безбрежной черноты космоса, а черная клякса продолжала невозмутимо шагать. Пальцы несколько раз соскользнули, но я судорожно пыталась покрепче вцепиться в броню, боясь лишиться единственной опоры. Далеко не сразу сообразила, что мы находимся внутри прозрачной «пуповины», соединившей разоренный грузовик с другим кораблем — таким же черным, почти невидимым, как броня убийц.

Миновали шлюз, и я сумела нормально вздохнуть и даже почти убедила себя, что на этот раз не умру.

Напрасно. Лучше бы умерла...

— О-о-о, вот это добыча! Вот это кстати! А то у меня уже яйца сводит! — загоготал кто-то басом. Хохот подхватили еще несколько голосов.

Бронированный небрежно сбросил меня с плеча. Ушибла локоть, колено, поясницу, но поспешила сесть и оглядеться.

Это были люди, но сейчас подобное открытие не радовало. Меня обступили мужчины, одетые кто во что, но снизу, с пола казавшиеся одинаково высокими и массивными. И лица были одинаковыми. Не чертами — их роднило общее выражение веселья и предвкушения, от которых меня замутило, а сердце заколотилось где-то в горле.

Я попыталась подняться. Один из них подошел, обхватил ладонями мой затылок, забрал в горсть волосы, потянул. Пытаясь избежать боли, я последовала за его рукой, вынужденно поднялась на колени — а вот дальше меня поднимать не стали.

— Чур, я первый ее ротик пользую! — осклабился обладатель того самого баса. — Вот прямо сейчас и...

— Остынь и отпусти девку, — оборвал его кто-то. Я попыталась скосить взгляд, но, кроме широкой плоской рожи

баса, ничего не смогла увидеть. — Кто, с кем и в какой позе будет первым — капитан решит. Кроме того, ты же знаешь, старик не любит развлечений во время абордажа.

— Ну мы ведь ему не скажем? — хихикнул рядом еще один голос — шакалий фальцет. — А девка цела останется. Почти...

— Сопля, а ты чего скалишься? Тебе-то по-любому ничего не обломится, — буркнул еще кто-то.

— Короче, капитан как хочет, а я... — опять заговорил первый, но его оборвал новый участник спора.

— Зур, руки убрал, — сказал спокойно, негромко, уверенно.

— А тебе-то чего, Клякса? — огрызнулся бас. Сжал кулак с моими волосами еще крепче, так, что у меня от боли выступили слезы. — Ты же живыми бабами не интересуешься!

— Я сказал, руки убрал, — тем же тоном повторил Клякса, но уже, кажется, за спиной Зура. — Иначе я решу твою проблему с яйцами один раз и навсегда.

Если бы я сейчас могла злорадствовать, я бы непременно это и сделала: ухмылка сползла с лица баса, зрачки испуганно расширились, а выражение морды стало обиженным, растерянным и очень напряженным. Кулак разжался, и я отшатнулась. Упала, в очередной раз ушибла копчик, но в коленях была такая слабость, что я даже не попыталась подняться. Страх отступил, появилось преждевременное пьянящее чувство облегчения из-за того, что неведомый Клякса подарил мне несколько минут передышки и еще немного я поживу, побуду... в своем уме. От одной мысли о возможном развитии событий без вмешательства моего спасителя перед глазами появлялись темные пятна, предвещающие близкий обморок.

— Эй, спокойно! Ты совсем рехнулся? — Зур дал петуха: похоже, храбрым этот басовитый здоровяк был не всегда.

— Что, выходит, проблема стоит не так остро? — насмешливо продолжил Клякса, убирая руку.

Только теперь я сообразила, что ствол его оружия находился у здоровяка между ног. То-то Зур так посерел!

Клякса подошел, протянул мне левую руку, казавшуюся огромной из-за перчатки брони. Из правой он не выпускал излучателя. Мгновение я разглядывала его лицо, а потом схватилась за протянутую ладонь.

Не знаю почему, но я была совершенно уверена: именно этот тип в черном убил команду грузовика, именно его я просила о пощаде. Вспомнив прожженные дыры в телах членов команды, я, наверное, должна была бежать от него быстрее, чем от прочих. Вот только...

Конечно, это эгоистично и трусливо, но готовности мстить за случайных попутчиков у меня не было. Была единственная мысль: пусть только на несколько мгновений, но именно этот Клякса встал между мной и той участью, которая страшнее смерти.

А еще он отличался от остальных. Я пока не могла рассмотреть лица, от страха все вокруг расплывалось, но зато потрясающе отчетливо видела глаза, их выражение — словно я, минуя все барьеры, заглядывала прямо в души. Только в этом Кляксе не было похоти и понятного, простого, жуткого для меня приговора. Очень странные, неестественного яркого синего цвета глаза смотрели спокойно, задумчиво и без малейшей насмешки. Оценивающе — да, но оценивал он не живую игрушку, а... человека.

— Что тут у вас? — как только меня подняли на ноги, прозвучал еще один незнакомый голос. Судя по тому, как умолкли мужчины, отпускавшие сальные шуточки в адрес невозмутимого Кляксы и строившие планы на ближайшее будущее, именно это и был капитан.

Высокий, худощавый, в безликом сером комбинезоне, с седыми короткими волосами, он смотрел спокойно и уверенно, как положено человеку, имеющему власть. Капитан обвел меня равнодушным взглядом, заставив непроизвольно податься поближе к бронированному Кляксе.

— Ну и на кой вы ее притащили? Нельзя было на месте пристрелить? — поморщился капитан. — Только бабы на корабле доставало для полного счастья!

— Я хочу взять эту девушку как свою абордажную долю, — ровно проговорил Клякса, и брови капитана удивленно взметнулись.

— Ты серьезно думаешь, что у нее между ног все не так, как у обыкновенных шлюх? Хорошо подумал? Уверен, что она столько стоит?

— Да, — решил не пускаться в объяснения Клякса.

— Не возражаю. Что такое, Зур? Ты не согласен? — Лицо капитана стало совсем ошеломленным. — Может, я чего-то об этой девке не знаю? Может, мне тоже за нее стоит посперить?!

— Нет, я согласен, — процедил Зур и отпустил пару грязных ругательств в адрес Кляксы, но на них никто не обратил внимания. — Таких денег эта девка точно не стоит. А с тобой я еще поговорю! — добавил он, мстительно глянув на стоявшего рядом со мной мужчину.

— Ты лучше сходи и поговори с искином грузовика, — мотнул головой капитан. — Кто из нас навигатор? Абордажники могут отдыхать, — добавил он.

— Спасибо, — коротко кивнул Клякса и потянул меня за локоть. Вместе с нами помещение — кажется, по науке оно называлось «шлюзовой палубой» — покинули еще двое мужчин в черном. Второй, по всей вероятности, нес меня на плече, а третьего я до того момента просто не замечала.

Корабль пиратов, судя по всему, был небольшим. Во всяком случае, наш путь занял примерно минуту, а потом Клякса втолкнул меня... в каюту.

Никакого сравнения с крошечной клетушкой грузовика, из которой меня выдернули несколько бесконечно долгих минут назад, эта каюта не выдерживала. Просторное помещение с большой кроватью, удобным креслом у стола и навороченным вирт-терминалом — виром. Во всю стену напротив входа — экран со спроецированным на него роскошным видом какой-то туманности.

— Садись. — Клякса подтолкнул меня к кровати. — Ты немая и сдвинутая или это индивидуальная реакция на

стресс? — рассеянно поинтересовался он, бросив свой излучатель прямо на кровать.

Потом невозмутимо подошел к свободной стене и, коснувшись управляющей панели, открыл узкую подсвеченную нишу с одеждой и другими вещами, без малейшего опасения повернулся ко мне спиной и принялся стаскивать с себя броню.

Я бросила взгляд на излучатель, даже протянула к нему руку, но тут же отдернула и, сцепив ладони, зажала их коленями, чтобы не тянулись, куда не просят.

Жалко Кляксу мне не было, остановил здравый смысл. Если бы я умела пользоваться оружием, хоть каким-то, можно было бы дергаться. Но я понятия не имела, за какой конец держать эту штуковину. К тому же не было гарантии, что она вообще заработает в чужих руках, а кроме того... Даже если я убью этого человека, за дверью каюты меня ждет десяток очень агрессивных животных, которые, наверное, только порадуются новому развлечению. В этом случае за меня уже никто не заступится.

Можно было, конечно, попробовать застрелиться и тем самым избежать множества ужасов и рисков, но... именно в это мгновение, вот прямо сейчас, мне отчаянно захотелось жить. Назло всему. Пока есть шанс, пока я жива и здорова. Я никогда не верила в существование благородных пиратов, но вот этот, конкретный, зачем-то забрал меня себе!

Даже если просто для того же самого, о чем говорил Зур, то... может быть, я все-таки выдержу? Может быть, это будет... терпимо? В конце концов, он один и совсем не похож на изувера!

Вот только фраза, что «живыми бабами» Клякса не интересуется, не позволяла окончательно поверить в счастливый исход.

— Страх, — запоздало выдохнула я в ответ, сишло и едва слышно, и тут же закашлялась — в горле пересохло.

— Понятно, — проговорил хозяин каюты. За это время он успел избавиться от брони и остался в черном глянцево, плотно облегающем тело комбинезоне с короткими рукава-

ми. Обернулся, скрестил руки на груди, пристально, с непонятным выражением лица посмотрел на меня сверху вниз.

А меня немного отпустило, так что я сумела разглядеть своего... спасителя подробнее. Короткие, неестественно белые волосы, правильные черты лица и совершенно неожиданные лучики мимических морщин в уголках глаз и губ. Несмотря на серьезность, казалось, он только и ждет повода, чтобы улыбнуться или даже рассмеяться.

Я поймала себя на мысли, что, встретясь мне этот человек при иных обстоятельствах, я бы никогда не поверила, что он пират, хладнокровный убийца, который способен, не дрогнув, за пару мгновений сжечь несколько ни в чем не повинных человек.

— У тебя мужики были? — вдруг спросил он.

— Ч-что? — запнувшись, испуганно уточнила я.

— Seriously, что ли, девственница? — Брови мужчины изумленно выгнулись, а я почувствовала, что отчаянно краснею.

И вроде не мне, медику, бояться таких вопросов, и вроде бы даже спросил он без издевки, и вроде не предлагал мне сознаться в чем-то зазорном, но стало ужасно стыдно. Я опустила голову и кивнула, отчего-то чувствуя себя виноватой.

— Вот же... только целки мне не хватало для полного счастья, — сквозь зубы процедил Клякса. Пару мгновений он еще сверлил меня взглядом, а потом продолжил прежним невозмутимым тоном: — Как предпочитаешь решить эту проблему, естественным путем или хирургическим?

— Что?! — вытаращилась я на пирата, даже смущение отступило.

— Я не знаю, что будет завтра и даже сегодня вечером, — вдруг принялся объяснять он. — Если меня убьют, ты попадешь обратно к ним. — Мужчина кивнул на дверь. — Насколько я представляю, для девственницы изнасилование гораздо болезненней, чем для женщины... Впрочем, пошло все в черную дыру. Это твое личное дело, хочешь рискнуть — валяй.

— То есть вы не собираетесь меня... использовать? — недоверчиво уточнила я.

— А очень хочется? — криво усмехнулся он.

Я, конечно, торопливо замотала головой и в ответ получила очередную насмешливую гримасу.

— А зачем я вам? Почему вы меня не убили?

— Если бы я знал! — поморщился Клякса с таким видом, словно у него заболели все зубы. — Не убил — ладно, но я за тебя такие деньги отвалил, что до сих пор не верится. По-моему, это самая дорогостоящая покупка в моей жизни. А ты, выходит, самая ценная рабыня в этой галактике.

— Почему? — опешила я.

— Ты знаешь, что вез ваш корабль?

— Продовольствие? — предположила неуверенно.

— Ну да, конечно, — хохотнул пират, подошел к терминалу у двери, на что-то нажал и забрал из открывшегося окошка стандартный пакет для жидких продуктов — длинный цилиндр, увенчанный конусом, верхушка которого при питье продавливалась внутрь. Открыл, сделал несколько больших глотков. — На Роолито добывают космолит. Нелегально, поэтому никакой помпы и охраны. Даже экипаж грузовика не знал, что он везет среди контейнеров с концентратами. По самым скромным прикидкам, ты обошла мне в полмиллиона терров.

— Сколько?! — не поверила я своим ушам. За такие деньги можно приобрести космическую станцию со всем оборудованием, а ведь это не вся добыча пиратов, только доля Кляксы!

Нет, я слышала, что этот редкий минерал, без которого наши корабли не способны летать, стоит дорого. Но чтобы так?!

— Много! — отозвался мужчина. — Вот мне интересно, какие у тебя есть таланты, за такие-то деньги? Было бы обидно, если бы ты умела только трахаться, но ты даже этого не умеешь!

— Я врач, — неуверенно проговорила, понимая, что предложение выкупить собственную жизнь умерло, не успев ро-

даться: столько я не заработаю и за десять жизней, а финансовых воротил галактических масштабов среди моих знакомых никогда не водилось.

— Вот как? — Выражение лица пирата стало заинтересованным. — И какой специализации?

— «Дикой».

— Надо же, мои убытки стремительно сокращаются, — усмехнулся Клякса. Я так и не поняла, с иронией это было сказано или всерьез, так что молча ждала продолжения. — И как ты, в таком случае, оказалась на корабле?

— Домой летела, — честно ответила я, не видя смысла что-то скрывать. — У меня годовая вахта закончилась. Не гонять же ради меня целый корабль.

— Ладно, метеоритный поток тебе навстречу и мертвый искин в руки. Будем считать, ты правда стоишь этих денег. Завтра продолжим разговор, я устал, как акретор¹, — ворчливо закончил он, стягивая комбинезон. Одежды под ним, конечно, не было.

Я в первый момент хотела отвернуться, но недоверие оказалось сильнее прочих чувств. Конечно, если Клякса решит сделать что-то... нехорошее, противопоставить этому я ничего не смогу, да и бежать некуда, но так все равно было немного спокойнее. А про тактичность вспоминать глупо: он же сам не стеснялся.

Пристально следя за точными уверенными движениями пирата, я сделала три наблюдения. Во-первых, мужчина оказался очень хорошо развит физически — силен, ловок и даже по-своему красив, если в моем случае уместно мыслить такими категориями. Во-вторых, правая рука его представляла собой очень хороший протез, который выдавали только место сочленения — черный «браслет», охвативший руку чуть выше локтя — и некоторая диспропорция: плечелучевая мышца правой руки выглядела значительно крупнее левой. Точнее, то, что ему эту мышцу заменяло, потому что,

¹ Класс нейтронных звезд. — *Здесь и далее примеч. авт.*

в-третьих, с его физическим развитием что-то явно было не в порядке.

Более точно сформулировать последнюю мысль оказалось сложно. У него как будто был несколько иначе устроен скелет, чуть по-другому крепились и сокращались мышцы, да и кожа выглядела не так, как ей полагалось, но с такого расстояния я не могла определить точнее.

Мутант? Да нет, он слишком гармоничен, чтобы это могло быть отклонением. И слишком чужд, как будто...

Как будто он совсем не человек.

Кажется, от этой мысли меня очень сильно перекосило, потому что Клякса заметил и, бросив комбинезон в чистку, вопросительно уставился на меня. Собственная нагота и мое присутствие оставляли его равнодушным — во всех смыслах.

— Что не так? — не дождавшись ответа на безмолвный вопрос, озвучил его мужчина.

— Нет, ничего, простите, — поспешила я отвести взгляд, вспомнив, что любопытство до добра не доводит и лезть в душу к этому человеку чревато.

— Я — спрашиваю, ты — отвечаешь, — похолодевшим на пару градусов тоном проговорил Клякса.

— Кто вы? — рискнула спросить я. — Или... что?

— Чего?! — Он, кажется, искренне изумился.

— Ну... вы ведь не человек? Я никому не скажу! Я просто думала, что других человекоподобных цивилизаций... что? — Пришла моя очередь удивляться, потому что вместо недовольства или угроз я услышала в ответ на свое предположение искренний залиvistый хохот.

— Вин! Ну у тебя и фантазия! Все проще, детка. Я измененный.

Вин!

Лучше бы гуманоид...

¹ То же, что «блин» или «черт». Этимологически слово восходит к эре межпланетных перелетов и первым искинам, носившим такое название. По утверждению исследователей, возникновение этого выражения связано с чрезвычайной ненадежностью тех архаических систем.

Насладившись выражением моего лица, пират буквально нырнул сквозь стену, заставив меня вздрогнуть. Я не сразу заметила небольшую дверцу, ведущую, кажется, в санузел и буквально сливающуюся со стеной.

Игры с человеческим геномом запрещены, во всяком случае, на территориях, подконтрольных империи. Речь идет не об устранении недугов и клонировании органов для пересадки, под запретом именно эксперименты. Конечно, энтузиастов и нелегалов хватает, но когда их раскрывают, карают по-настоящему жестко; по-моему, к высшей мере чаще всего приговаривают именно по этой статье. И, конечно, за другие государства я не поручусь — просто не знаю.

Мера эта вполне оправдана. Еще живы в памяти события двухвековой давности, когда повальное увлечение коррекцией генома поставило человечество на грань гибели: халатность и массовость, скорость в ущерб качеству при проведении изменений спровоцировали неконтролируемую волну летальных и стерилизующих мутаций. Напасть побороли через полвека. Главным достижением тех дней стали закон о запрете генетических коррекций и рождение Солнечной империи из пепла погибшей республики.

Если малые изменения в геноме могут пройти безболезненно, то любые серьезные вмешательства неизменно приносят проблемы. Дефекты развития плода, дефекты, всплывающие позже, на стадии взросления, или проявляющиеся в следующих поколениях, дефекты психики — все это неизбежные итоги попыток вырастить... существо, несущее в основе геном человека, но отличающееся от оригинала не просто цветом глаз или волос, а чем-то более серьезным и принципиальным. А изменения взрослого существа совсем антигуманны, их ни одна психика не выдержит!

Нет, бывали успешные эксперименты. Во всяком случае, официальная наука их не отрицает, но это скорее случайность. То самое исключение, подтверждающее правило.

Изменение опорно-двигательного аппарата — это очень-очень глубокая степень перестройки, которая неизбежно влечет за собой... да что угодно! И если Клякса на первый и даже на второй взгляд нормален, даже нормальнее

своих вполне обычных «коллег», значит, проблемы его закрыты глубже. И перспектива наткнуться на них в процессе общения пугала куда больше, чем возможное нечеловеческое происхождение этого типа.

Но почти сразу после того, как Клякса скрылся в санузле, мне стало не до него. Если разговор, необходимость каких-то действий и происходящие события отвлекали, заставляли реагировать и не позволяли сосредоточиться на себе, то минута покоя обернулась эмоциональным откатом, а попросту — тихой истерикой.

Меня трясло. Крупно, сильно. Я изо всех сил стиснула зубы, чтобы случайно не прикусить язык. По щекам текли беззвучные слезы, я жмурилась, пытаюсь их унять, но это не помогало. Обхватила себя руками за плечи, сползла на пол и, прислонившись к постели спиной, свернулась в позу эмбриона, пытаюсь как-то пережить стремительные перемены в собственной жизни.

Участь команды грузовика, которую я чудом не разделила. Угроза группового изнасилования, которого я тоже избежала чудом. Роль чьего-то имущества, приобретенного за большие деньги.

И, самое главное, полная неопределенность будущего. Зачем Клякса меня спас? Пожалел? С чего бы вдруг?! А если нет, то зачем я ему? Просто заскучал и решил завести... домашнего любимца? Хорошо, если так, но поверить, что от скуки пират заплатил такой куш за какую-то незнакомую девку, очень трудно.

Появления хозяина каюты я не заметила, только дернулась всем телом, когда прозвучал его спокойный голос:

— Захочешь привести себя в порядок, можешь воспользоваться душем. Когда вернешься, не издавай громких и резких звуков, я реагирую на них нервно. Если хочешь спать на полу — спи, но, на мой взгляд, это глупо, потому что кровать большая.

Дальше последовало несколько секунд негромкой возни за спиной — пока мужчина устраивался в постели, — а потом комната погрузилась во мрак, даже туманность за «окном»

погасла. Остались только узкая полоска подсветки, очертившая прямоугольник двери в уборную, да тусклые огоньки на панели управления. Судя по безмолвным командам и отсутствию каких-то внешних устройств, управляющий прибор был вживлен Кляксе в мозг. Я на такое не решилась, а вот пират, похоже, не боялся ложиться на хирургический стол.

Впрочем, сложно ожидать от него подобных страхов после установки протеза. Да и изменение... Что-то мне подсказывало, что Клякса родился не таким, а если он пережил весь комплекс операций и управляемых мутаций, которые привели к нынешнему итогу, он вообще ничего не должен бояться. Не знаю, кто с ним такое проделал и зачем пират на подобное пошел, но одно могу сказать наверняка: это было долго и больно.

Приход мужчины странно отрезвил, или просто так совпало, но истерика моя к этому моменту сама собой сошла на нет. Осознав, что вновь способна шевелиться, а мысли вращаются не только вокруг жалости к собственной персоне, я заставила себя подняться и поплелась в уборную.

Комнатка была небольшой, но впечатляла роскошным оснащением: здесь имелось все, что можно втиснуть на столь мизерную площадь. Душ с массажем, широкого спектра освещение, максимально приближенное к солнечному, даже тета-излучатель имелся — дорогущая штукавина, способствующая заживлению ран и общему восстановлению организма. Злоупотреблять им, как и вообще чем бы то ни было, не стоило, но я подвергалась подобной процедуре всего раз в жизни, когда мы с однокурсницами отмечали получение дипломов в роскошном спа-салоне, и поэтому не стала ни в чем себе отказывать.

Пробыла я в этой комнате отдохновения добрый час, с завистью думая о том, что всевозможные мерзавцы знают толк в удовольствиях и (вот уж где совершеннейшая несправедливость!) имеют на них средства.

Мысли о том, с каким удовольствием я поменяла бы всю эту роскошь на крошечную каюту грузовика, а спящего за стенкой Кляксу — на живую команду, старательно гнала

прочь. Бесплезно и даже опасно грезить о том, чего никогда не будет, особенно если мечты отвлекают от угрожающей реальности, в которой я намеревалась выжить. Может быть, не любой ценой — есть вещи, на которые я не смогу пойти никогда, — но пока есть шанс остаться целой и невредимой, им следует пользоваться.

Что для этого нужно? В первую очередь держаться поближе к Кляксе. Судя по тому, что я видела, его уважают и боятся, а значит, пока я ему не надоела, этот человек сумеет защитить меня от остальных, и, главное, он явно намерен это делать. Так что основная моя задача — не отсвечивать, быть тихой и послушной, никуда не лезть и выполнять приказы. Но одновременно с этим нужно выяснить побольше о Кляксе, обо всей команде и о том сообществе, в котором я оказалась. Роль пиратской добычи — это совсем не то, о чем я мечтала в жизни, а побег нужно готовить очень осторожно и тщательно.

С такими мыслями, в боевом настрое я вышла в каюту, прижимая к груди комбинезон и неся во второй руке ботинки. Во мне боролись отчаянное нежелание спать в одежде и боязнь спровоцировать мужчину, привлечь ненужное внимание. Все же комбинезон у меня свободный, мешковатый, и Клякса мог просто не разглядеть фигуру, а вдруг теперь прельстится?

Некоторое время я переминалась с ноги на ногу, заодно давая глазам привыкнуть к темноте. Но потом здраво рассудила, что мой внешний вид вряд ли способен столь кардинально изменить отношение мужчины. А ложиться на пол и впрямь глупо: судя по всему, мне предстоит находиться здесь долго, и чем несколько дней гордо мучиться, чтобы потом все же сдаться и заползти под огромное мягкое одеяло, лучше воспользоваться щедрым приглашением сразу.

Впрочем, наглеть я тоже не стала, тихонько пристроилась на краю. Подушек было несколько, так что и этим меня не обделили. Клякса знал толк в комфорте.

Несколько мгновений я лежала, напряженно вслушиваясь в тишину каюты: шумоизоляция здесь была великолеп-

ная, никаких отзвуков работы двигателей. Дыхания мужчины я тоже не слышала, и это нервировало.

Усталость начала брать свое, и я потихоньку стала уплывать в беспамятство, когда пират напомнил о себе весьма неожиданным образом. Сильная рука вдруг обхватила мою талию и рывком притянула к жилистому, твердому телу.

Я придушенно пискнула и, зажмурившись, сжалась, ожидая дальнейшего развития событий, но Клякса этим удовлетворился. Минута, другая, я опять начала расслабляться, а он не шевелился и, похоже, спал, обняв меня, как ребенок мягкую игрушку. Притерпевшись и прислушавшись к собственным ощущениям, я поняла, что особенно яростного протеста не чувствую. Разве что дышать стало тяжелее, но из-за такой мелочи нарываться на конфликт я была не готова, можно и потерпеть. И еще подумалось, что у меня, похоже, легкий жар, потому что тело мужчины казалось подозрительно холодным. Не ледяным, но все же.

А вскоре температура наших тел сравнялась, и я провалилась в сон.

Странно, но спала крепко — меня не мучили кошмары. Да и пробуждение вышло на редкость спокойным. Я просто отключилась и вернулась в реальность оттого, что меня на секунду крепко стиснули, лишив возможности дышать. Давление прекратилось мгновенно: Клякса очнулся и зашевелился, кажется, вставая с постели. Я обернулась, уставилась на него с тревогой и ожиданием: а ну как совместно проведенная ночь что-то изменила в его намерениях?

Однако мужчина сонно потер лицо ладонями, глянул на меня и усмехнулся неожиданно тепло, по-доброму.

— Надо же, уже начинаешь приносить пользу, — со смешком сообщил он, выбираясь из постели.

— В каком смысле? — напряглась я. Во-первых, в его словах чудился некий неприятный подтекст, а во-вторых, мужчина явно был возбужден. Конечно, на меня он глядел по-прежнему спокойно, но мало ли?

Только всерьез испугаться я не успела.

— Ты теплая. — Клякса чуть пожал плечами, отвернулся к стене.

Еще одна ее часть отодвинулась, явив моему опшарашенному взгляду обнаженную женщину с роскошной фигурой и золотистыми волосами. Незнакомка сделала шаг из ниши, и до меня запоздало дошло, что это не живой человек, а андроид.

— У меня проблемы с терморегуляцией, некритичные, но обычно за ночь несколько раз просыпаюсь. Всяческая электроника не помогает с этим бороться, а человеческое тепло под боком — вполне. Такие вот странные гормональные выверты. Все же есть у живых женщин достоинства, на тебя вот настроился — прекрасно выспался, — задумчиво подытожил он.

Клякса спокойно прошел к креслу, с комфортом устроился в нем. Кукла последовала за ним, опустилась на колени между разведенных бедер и... видимо, начала выполнять свое предназначение. Мужчина расслабился, откинул голову, блаженно прикрыл глаза, одну ладонь запустил в синтетические локоны андроида, второй ухватился за подлокотник.

От смеси удивления, смущения и брезгливости мне стало нехорошо.

— Напоминаю, душ все еще доступен. Если коробит, можешь спрятаться там, — проговорил Клякса. То ли угадал реакцию, то ли наблюдал за мной из-под ресниц, со своего места я не видела.

Я очнулась и поспешно сорвалась с места, отметив мельком, что верно второе: в какой-то момент заметила блеск под полуопущенными веками.

— Минут за двадцать я закончу, — прилетело в спину.

Я не меньше получаса тщательно полоскалась, пытаюсь смыть с кожи иррациональное чувство грязи и отвращения. Вроде бы умом понимала, что это вообще не мое дело, пусть развлекается, как хочет. Радоваться надо, что он «не интересуется живыми женщинами» вот именно в таком смысле: я, грешным делом, подумала о некрофилии. А еще хорошо, что

у пирата есть такая игрушка, я его действительно не интересую как женщина, и, значит, мне ничего не грозит.

Но все равно было гадко до тошноты. Медики обычно весьма циничны в вопросах секса, но я воспитывалась в достаточно строгой семье, и подобное... удовлетворение потребностей с роботами мне претило в силу и воспитания, и жизненного опыта, и, может быть, немного наивных убеждений. А уж столь демонстративное — тем более!

Теплая вода позволила успокоиться, взять себя в руки, отвлечься от лишних переживаний. И вспомнить, что я имею дело с пиратом, безжалостным убийцей, да еще и измененным. Цинизм Кляксы в интимных вопросах — это вообще меньшее, что должно меня волновать!

Я уже почти закончила с мытьем и набралась решимости выйти в комнату, но мои размышления прервало музыкальное пиликанье в четыре ноты. Я сначала не поняла, что это такое, а потом за дверью прозвучал голос хозяина каюты:

— Я отлучусь на час-другой. Разрешение на выход у тебя есть, но я бы не рекомендовал им пользоваться. Доступ к системе питания из общего терминала, разберешься.

Замечание явно не требовало ответа. Выглянув через минуту, я обнаружила, что хозяин и впрямь покинул каюту, и облегченно перевела дух.

ГЛАВА 2,
в которой Алиса оценивает масштабы «норы»,
в которую вляпалась

Бараний Бок поднялся с блюда и поклонился Алисе; та тоже ему поклонилась, так и не решив, смешно это или страшно.

Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

Глеб Жаров (Клякса)

К общему сбору я явился в исключительно рассеянном состоянии. Случайное и весьма дорогостоящее приобретение заинтересовало меня сейчас гораздо больше всего того, что мог сказать капитан. Девочка оказалась больно занятой, и я уже почти не жалел о собственной минутной слабости.

Сообразительная, разумная, осторожная. Никаких скандалов, нытья, заламывания рук, попыток разжалобить или пригрозить законом и высокопоставленными родственниками: понимает, как сильно вляпалась, и пытается не отсвечивать. Бойтся, но, что само по себе достойно уважения, старается контролировать свой страх. Да и нервы приятно крепкие. Другая бы от вида сожженных покойников блевала, а эта ничего, держалась. Хотя профессия, конечно, многое объясняет.

Врач «дикой» специализации, или, по-умному, экспедиционный врач, — это, наверное, единственная профессия, с которой девочка способна принести мне хоть какую-то пользу. Имею в виду те профессии, представителей которых у меня была вероятность встретить при подобных обстоятельствах. Вряд ли она могла оказаться особо толковым бойцом специального назначения, который подошел бы для

абордажной команды. А «дикий» врач — это человек, способный лечить по старинке, с самым примитивным оборудованием или вовсе без оного. Если такого прикормить и приручить, он окажется весьма ценным имуществом.

Я не обольщался на ее счет и понимал, что девчонка попытается удрать при первой возможности. Но у нее хотя бы достанет мозгов не бросаться с разгону в черную дыру, а тщательно подготовиться к побегу. И уж точно мне нечего опасаться в ближайшие несколько дней, пока мы находимся на небольшом кораблике, где я стою между ней и командой. Хоть благодари Зура: он запугал мою добычу так, что во избежание близкого знакомства с ним и остальными девчонка согласится на любое сотрудничество со мной, особенно если я не стану посягать на ее тело.

Наивная, неопытная маленькая девочка. Бойтся физической боли так, словно это действительно самое страшное в жизни.

Впрочем, при чем тут пол и возраст? Большинство живых существ подвержены этому страху. Это вообще самый понятный, простой, сильный и распространенный страх, благодаря которому легко вырабатываются нужные инстинкты. Именно на этом, пожалуй, стоит сыграть. Не просто дать понять, что я способен защитить ее, это она и сама прекрасно видит, но заставить поверить, что я твердо намерен по мере сил оберегать ее от внешних угроз. А там и за доверием, и за преданностью дело не станет.

Что особенно приятно, для этого даже толком предпринимать ничего не требовалось и уж тем более переступать через себя и какие-то свои принципы. Девчонке вправду некуда бежать, а я на самом деле не собираюсь ее мучить, все остальное — закономерный итог.

Вот с такими мыслями я и дошел до кают-компании, где, к собственному удивлению, обнаружил одного капитана. Я-то полагал, что опаздываю на общую сходку, а оказывается — на личную беседу. Нехорошо вышло.

— Звал? — растерянно уточнил я. — Извини за опоздание, не думал, что ты одного меня будешь ждать.

— Что, настолько увлекательная девица? — хмыкнул Серый, окинув меня выразительным взглядом. — Садись.

— Не то слово, — совершенно искренне отозвался я, устраиваясь в кресле напротив. — Уступлю только за двойную цену и только тебе — в знак крайнего уважения.

На удивление, я даже не лукавил, уж по части уважения — точно.

Серый — хороший капитан. Жесткий, принципиальный, но справедливый и не склонный к излишнему насилию. Прозвище ему подходит во всех смыслах. Черты его характера — простота, холодность, строгость и равнодушие. Он весь серого цвета, от волос до подметок, а от разговора с ним на языке привкус и запах железа.

На борту «Ветреницы» капитан — царь и бог, потому что корабль принадлежит ему, команду он подбирает сам и заключал с каждым личный контракт. Я летаю с ним пять лет, и за это время добровольно от него уходили, только списываясь на берег (редко) или вперед ногами в шлюз (часто).

И если подчиненные уважали Серого за справедливость и умение разрешить любой конфликт, а также за отсутствие жлобства — он никогда не хитрил с долей экипажа и не пытался урезать честно заработанные проценты, — то другие капитаны всегда слушали его мнение и ценили за мудрость и какое-то совершенно звериное чутье на неприятности и всевозможных ищеек. Ходили слухи, весьма правдивые, что он сам вышел из числа оных.

Капитан постоянно повторял, что хороший пленник — мертвый пленник, и потому ситуаций, подобной той, что произошла с рыжей, на корабле обычно не складывалось. Оставив девушке жизнь, я нарушил негласное распоряжение и до сих пор не поплатился за это просто потому, что сам предложил решение проблемы, которое удовлетворило Серого. В последнем можно было не сомневаться: если бы не удовлетворило, он бы спокойно пристрелил пленницу и снял все вопросы.

С минуту мы сидели в звенящей тишине. Серый заметно колебался, а я понятия не имел, зачем меня вызвали, потому помалкивал и не торопил его.

— Я навел о тебе справки, — наконец сказал капитан.

— Вот как? Из-за чего удостоился? — Я вопросительно вскинул брови, спокойно выдержал испытующий взгляд и даже не подумал нервничать. Во-первых, не мальчишка, чтобы на такое вестись, а во-вторых, узнай Серый обо мне что-то по-настоящему страшное, болтаться мне в открытом космосе без скафандра, а не разговоры разговаривать, сидя в уютном кресле.

— Да, видишь ли, чуялось в тебе кое-что знакомое, невзирая на всякие налипшие особенности, — чуть сощурившись, с расстановкой проговорил капитан. — Военную школу ничем не вытравившь, по себе знаю. Поначалу даже подозревал, что ты засланный, из ищеек. — Опять последовали пауза и испытующий взгляд. Ну смешно же, вин! За идиота он меня держит, что ли, если всерьез полагает такие «проверки» действенными? — А сейчас вижу, что ты просто очень похож на меня. Даже не верится. Армия, списание по ранению, убогая пенсия... Только ты предусмотрительней, потому что кое-что скопить успел, злее и, пожалуй, смелее: я бы на изменение не отважился.

Он опять сделал паузу, а мои брови от удивления поползли на лоб. Сентиментальный Серый — это нечто за гранью добра и зла.

— Девку вот только не вовремя подобрал, на кой она тебе сдалась? — проворчал он.

— Может, меня на живое тепло потянуло? Для разнообразия, — ухмыльнулся в ответ.

— Ну и купил бы какую-нибудь подешевле, — пожал плечами капитан. — Любая была бы подешевле.

Кажется, спонтанный поступок всерьез выбил его из колеи. Оно и понятно, в мое прежнее поведение подобный шаг совершенно не вписывался. Да я и сам, честно говоря, до сих пор не мог понять, отчего рука дрогнула, а рыжая получила вторую жизнь? Переломный момент произошел именно тогда, когда я опустил оружие, все остальное — следствие и результат привычки доводить дело до конца. Словно чутье какое-то сработало, но какое?

— А я, может, не хочу подешевле. Мне, может, эта понравилась. И вообще, я, может, влюбился, — развел руками,

а Серый болезненно скривился. Согласен, оправдание бесполое, но не молчать же, когда капитан спрашивает! — Тебе-то она чем помешала? Почему — не вовремя?

Он еще раз смерил меня взглядом, а потом все же решился:

— Нынешний куш был именно тем, которого мне не хватало для полного счастья, и теперь я хочу плюхнуть свои дюзы мимо космодрома. Осяду где-нибудь на курортной планетке с мягким климатом, куплю виноградник и буду жить в свое удовольствие. Устал я от всей этой суеты.

— И при чем тут я? — Не сдержал любопытства.

— Не хочу отдавать «Ветреницу» в чужие руки. Не желаешь занять место капитана? Мне процент с добычи, и я не лезу в твои дела. Подбор команды, поиск лакомых кусков — на твое усмотрение. Да последнее, впрочем, давно уже на тебе. Без понятия, где ты такие куши находишь!

— Это... неожиданное предложение, но лестное, — ответил честно. — Почему я?

— Говорю же, ты мне напомнил меня самого в молодости. Если бы у меня был сын, я бы хотел, чтобы он походил на тебя. Ну что уставился? В моем возрасте простительно думать о таких вещах, — сварливо закончил он.

— Меня свои же пристукнут, — заметил я. — Шесть лет в космосе — и в капитаны...

— Тут уже от тебя зависит, пристукнут или нет. Впрочем, втихую такие вещи не делаются, ты прав. Прибудем на «Тортугу», возьму тебя на капитанскую сходку и представлю. Поручусь за тебя. Ну как, потянешь?

— Надо ответить прямо сейчас или можно подумать? — хмуро поинтересовался я.

— До «Тортуги» тринадцать дней, думай, — благосклонно кивнул Серый. Кажется, мой ответ ему очень понравился. — И с добычей этой что-нибудь реши!

— А что, капитану девку иметь нельзя? — поинтересовался насмешливо, поднимаясь с кресла.

— Имел бы свою куклу, я бы в тебе не сомневался, — проворчал капитан. — А баба на корабле — к беде.

— Да ладно, скажешь тоже. Вот наберу себе бабскую команду и буду всех в порядке живой очереди... — пригрозил я. Напоролся на выразительный взгляд — мол, видал идиотов, но чтобы таких, — и поспешил пояснить: — Шучу.

— Смешно, — хмуро кивнул Серый. На том и разошлись.

Итак, мы летим на «Тортугу». В святая святых, где заключаются самые выгодные сделки и куда очень редко попадают посторонние корабли. Обычно на эту станцию, получившую название с легкой руки какого-то увлеченного археологией придурка, доставляют только тех, кто ведет дела и принимает решения, причем забирает их с промежуточной планеты специально оборудованный корабль. Насколько я знаю, каждый раз рейс начинается в новом месте, причем отправные точки столь сильно раскиданы по галактике¹, что очевидно: «Тортуга» способна достаточно быстро перемещаться на огромные расстояния, будто обыкновенный корабль. Но как отправить огромную станцию в гиперпрыжок? Хотел бы я знать. Да каждый хотел бы!

Станция эта является легендой даже среди пиратов. Никто доподлинно не знает, откуда она взялась, кем была построена, кому принадлежит и как выглядит. То есть последнее, наверное, знают капитаны и прочие проверенные люди, но их немного, и они помалкивают. А теперь «Ветренице» оказана честь и дано разрешение прибыть на «Тортугу». Причина в особо ценном грузе или есть что-то еще?

И ладно бы просто летели, но Серый хочет назначить меня капитаном одного из самых оснащенных и мощных пиратских кораблей галактики — а это уже не к добру.

Сентиментальная чушь, которую он нес, — это, конечно, большой кусок дерьма, который лично я жрать не намерен. Серый хитер, как старый искин Ферта², и «Ветреницу» любит самозабвенно, так он и отдаст свою любимую девочку

¹ Г а л а к т и к а — строго говоря, к настоящему моменту человечеством в некоторой степени освоена лишь малая область галактики Млечный Путь: часть рукава Ориона, в котором находится Солнце, и фрагменты близлежащих рукавов — Персея и, в меньшей степени, Стрельца. В обиходе под словом «галактика» подразумевается именно этот обжитый участок космоса.

² Ф е р т — легендарный пират.

какому-то сопляку за красивые глаза и процент! Узнать бы, в чем подвох, но как? Капитан неразговорчивей межзвездного вакуума и, насколько я знаю, не доверяет вообще никому... На испуг его не возьмешь, тактической хитрости, чтобы вывести на откровенность, я придумать не смогу. Он до последнего будет темнить, характер такой.

Интересно, мне ли одному Серый предложил это место? Или каждому — и теперь наблюдает, кто как себя поведет? Такая проверка на вшивость вполне в его духе.

Впрочем, чушь, дело в другом. В каких-то обязанностях капитанов, о которых неизвестно широкому кругу? Или вот в этом визите на «Тортугу»? Серый куда-то вляпался и пытается свалить вину на первого попавшегося идиота? Не возьмусь гадать, куда именно, но это в любом случае больше похоже на правду. Эх, было бы время осмотреться, поводить носом на этой станции, послушать, что там говорят, и попытаться понять, что это вообще за место такое...

Но главный вопрос, конечно, в другом: что мне делать с его предложением?

В раздумьях я добрался до каюты. При моем появлении «добыча», сидевшая на постели, дернулась, поспешно прикрылась одеялом и глянула настороженно, явно ожидая новых проблем.

— Ты почему в таком виде? — удивился я.

— Запустила чистку комбинезона, она еще не закончилась. — Рыжая виновато отвела взгляд.

— Да, точно, у тебя же нет сменной одежды, — поморщился я. — Остановимся для подчистки, прихватим что-нибудь подходящее. И инструменты с медикаментами, кстати, тоже. Много тебе как врачу надо?

— Смотря для чего, — явно растерялась девушка.

— Для всего, — мгновение подумав, решил я. — То есть считай, что ты бортовой врач в экспедиции, которая летит в глубокий космос для изучения потенциально обитаемой враждебными разумными существами планеты... Что? — осекся я, потому что лицо ее при этих словах вытянулось и приобрело какое-то странное, нечитаемое выражение. Смот-

рела она на меня, как на зеленую звезду¹. — Ты же «дикий» специалист?

— Д-да, — неуверенно проговорила она.

— И что не так?

— Но это ведь много и дорого. И еще оборудование стационарное...

— Да, поправочка, — опомнился я. — Считаю, что стационарное оборудование мы по идеологическим соображениям не берем.

— Если только по идиотическим, — пробормотала она себе под нос так, чтобы я не слышал. Я, конечно, услышал, но не отреагировал и продолжил:

— Больше возражений нет?

— А цена?

— С учетом возможности переноса медикаментов одним, максимум двумя людьми, в стоимости себя можешь не ограничивать. Ну и понимать надо: совсем не обязательно все это найдется на станции.

— Но зачем все это?! — решила она задать главный вопрос.

— Я, может, желаю сделать тебя личным врачом, — пожал плечами в ответ, едва удержавшись от ухмылки при виде ее вытянувшегося лица. — Переживаю, знаешь ли, о своем драгоценном здоровье. Да, вот еще что! Зовут-то тебя как?

— Алиса, — встрепенулась девушка. — Алиса Лесина. А вас?

Лиса-Алиса, стало быть. А что, ей подходит...

— Клякса, — ответил коротко. — Обычно сокращают до Каса, можно еще какой-нибудь вариант придумать. И — да, давай на ты, раз уж мы спим вместе.

Под напряженным взглядом продолжающей кутаться в одеяло девушки я подошел к нише пищевого синтезатора, вооружился банкой кисло-сладкого витаминного концентрата — любимый вкус и уже несколько лет едва ли не единственный мой напиток. Отпил и рассеянно отметил, что Алиса

¹ Зеленая звезда — выражение, аналогичное «восьмому чуду света», то есть нечто нереальное и неправдоподобное.

на него чем-то похожа: желто-зеленая, сама сладкая, а имя — кислое. Может, потому я на нее и внимание обратил?

— Здесь в принципе не приняты имена или только ты им не пользуешься? — осторожно уточнила девушка.

— Мне нравится формулировка, — усмехнулся я, отсалютовав банкой. Все-таки она умница. Глядишь, и впрямь выживет! — Здесь не принято лезть в душу.

Намек поняла и умолкла, но когда я шел мимо нее к креслу — дернулась, подтянула одеяло к самому горлу. Я замер, уставился на нее озадаченно, а через мгновение сообразил и махнул рукой.

— Да брось дергаться, не собираюсь я тебя насиловать. Ни сейчас, ни потом.

— Потому что живыми бабами не интересуешься? — все-таки не удержалась она от шпильки.

— Сложный вопрос, — ответил, плюхнувшись в кресло. Почему бы и не поговорить? С развлечениями тут туго, а мне определенно надо переключиться, чтобы потом с ясной головой обдумать слова капитана. — Чем я интересуюсь — дело десятое, а с электронной удобнее. Она молчит, она безотказна, ее можно убрать в шкаф. Но даже не в этом ее самое большое достоинство. Главное, она робот, и отсутствие эмоций в этом случае не вызывает отторжения, а процесс воспринимается как полезная для здоровья и приятная процедура вроде массажа.

Алиса задумчиво кивнула и, вдохновленная моей разговорчивостью, рискнула продолжить расспросы:

— А почему остальные такими не пользуются?

— Потому что это недостаточно круто. — Я ухмыльнулся. — Ну, вроде как если трахаешь искусственную бабу, то и не мужик. В этом смысле хуже только быть пассивным педиком.

— Но ты... — неуверенно пробормотала она, удивленно вскинув брови. — Тебя, получается, это не беспокоит?

— Меня беспокоит собственное удобство. Они, конечно, порой пытаются издеваться, но меня в достаточной степени боятся, могу позволить себе подобные маленькие слабости.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1</i> , в которой Алису затаскивают в нору	5
<i>Глава 2</i> , в которой Алиса оценивает масштабы «норы», в которую вляпалась	25
<i>Глава 3</i> , в которой Алиса пьет чай и видит сны	49
<i>Глава 4</i> , в которой Алиса заводит новые знакомства	66
<i>Глава 5</i> , в которой Алиса отдыхает в хорошей компании, а Клякса — работает	86
<i>Глава 6</i> , в которой Алиса гадает, а Клякса ждет экзамена	106
<i>Глава 7</i> , в которой Алиса и Глеб знакомятся с «Гортугой»	127
<i>Глава 8</i> , в которой Алиса танцует, а Глеб — убивает	144
<i>Глава 9</i> , в которой Алиса вспоминает о своей профессии	163
<i>Глава 10</i> , в которой Алиса негодует, а Клякса находит ответы . . .	186
<i>Глава 11</i> , в которой Алиса возвращается домой, а Клякса отправляется в последний путь	203
<i>Глава 12</i> , в которой Алиса начинает жизнь с чистого листа	219
<i>Глава 13</i> , в которой Алиса слушает правдивые сказки	237
<i>Глава 14</i> , в которой Алиса выбирает свою судьбу	259
<i>Эпилог</i> , в котором Алиса стала взрослой	276